

На виртуальном экране Вэй Цзя плакал, лицо его исказилось от невыносимого страдания, однако тянулся он вовсе не к своей одежде.

Его целью были... носки Лесли.

Когда Вэй Цзя сделал шаг вперед и наклонился, Се Жуну наконец открылась вся картина.

Лесли сидел на стуле, закинув ногу на ногу. Обувки на нем не было, и он самодовольно покачивал босой ступней, так и лучась превосходством.

Горько плача, Вэй Цзя с отвращением стянул с него носок и отшвырнул в сторону.

Он поднял голову и сделал глубокий вдох, его лицо залил пунцовый румянец стыда.

Стоявшие рядом прихвостни, зажав носы, восторженно орали:

— Отлично!

— В следующий раз снова будешь разувать босса!

— Какая покорность!

Весьма... оригинальный способ издевательства.

Однако Се Жун все равно не понимал, почему обычное снятие носков вызывает у главного героя такую бурю шекспировских эмоций.

Услужливый 606 быстро откопал досье Лесли и пояснил:

[Жунжун, согласно сюжету, у Лесли весьма специфические феромоны.]

— Насколько специфические?

[Запах грязных носков тридцатидневной выдержки.]

В то же мгновение воспоминания нахлынули на Се Жуну с такой силой, словно этот удушающий смрад пробился сквозь экран. Се Жун едва не задохнулся.

Значит, тот ужасный запах грязных носков, который он почуял в первый день, принадлежал Лесли...

Как известно, у Альф в моменты сильного волнения феромоны могут вырваться из-под контроля.

У Омег источник аромата всегда сосредоточен в железах на затылке.

А вот у Альф – как повезет. Запах может исходить из любой части тела.

Судя по поведению Лесли, самым пахучим местом у него были именно ступни.

Неужели он планировал заживо душировать соперников запахом своих ног, добиваясь легкой победы без лишних усилий?

Это действительно...

Чего только не встретишь на просторах вселенной.

Се Жун безмолвствовал.

[Жунжун, мы все еще собираемся ему помогать?]

В данном случае Се Жун признавал свое полное бессилие. Раз уж речь шла не о физическом насилии или сексуальном домогательстве, он решил не вмешиваться.

Теперь он понял: хотя о Лесли и ходила дурная слава притеснителя младших курсов, если все его издевательства сводились к «снятию вонючих носков», то реальной опасности они не представляли.

Когда-то Се Жун выполнял миссию в роли мелкого пакостника. В том мире он должен был играть роль отпетого мерзавца, который творил гадости просто ради забавы.

Запирал людей в туалете, обливал водой, осыпал оскорблениями, делал унижительные снимки.

И совершал еще много вещей, о которых даже вспоминать не хотелось.

Человеческая злоба способна растоптать личность, и тот мир стал единственным провалом в безупречной карьере Се Жуна.

Он просто не смог заставить себя быть настолько омерзительным существом.

Даже зная, что вскоре его персонаж исчезнет из жизни главных героев, получив по заслугам, оставшись в дураках и подвергшись всеобщему осмеянию.

Но он был уверен: его поступок не забудется.

Точнее, жертва этих издевательств никогда не сотрет из памяти эти унижения и лицо того, кто их причинил.

В итоге Се Жун нарушил канон, совершив поступок, совершенно не подобающий мелкому злодею.

Он раскидал обидчиков главного героя по углам и под их ошарашенными взглядами протянул руку лежащему на полу юноше.

Брезгливо отряхнув его плечи от пыли, он произнес лишь три слова: «С колен поднимись».

«Встань и никогда больше не смей падать перед ними».

Разумеется, сюжетная линия пошла прахом. Из-за этого единственного жеста ход событий изменился, ведь главный герой того мира по уши влюбился в мимолетного злодея.

Се Жуну пришлось экстренно прервать миссию и покинуть тот мир. Это пятно в его послужном списке выглядело крайне досадно.

Но удивительно: такой гордый человек, как Се Жун, ничуть не раскаивался.

Он принял этот провал абсолютно спокойно.

Зато 606 переживал куда сильнее:

[Жунжун, из-за этой неудачи в отделе теперь шепчутся, будто ты даже с ролью мелкого пакостника справиться не можешь.]

Его куратор тоже пытался его утешить, ожидая, что лучший работник отдела злодеев будет раздавлен неудачей. Однако Се Жун пребывал в отличном расположении духа, не выказывая ни капли уныния.

В итоге куратор расстроился сам:

— Я знаю, что тебе плевать на чужое мнение, но должен напомнить: злодей должен оставаться злодеем. Существуют правила функционирования миров.

— Главный герой обязан пройти через эти испытания, их нельзя просто так отменять.

Се Жун лишь усмехнулся:

— И кто же это установил?

— Воля мира.

— Ну тогда главному герою очень не повезло.

Куратор вздохнул:

— Се Жун, если не ты, то эту роль сыграет кто-то другой.

Задания всегда найдут исполнителей, злодеев пруд пруди, так какая разница, сыграл бы он эту роль или нет? Это ведь даже не настоящее зло, а лишь симуляция.

Но Се Жун лишь слегка изогнул бровь. Его невероятно красивые черты лица на миг заострились, он улыбнулся, как гордый кот, и в его обычно колючем взгляде промелькнула редкая, глубокая нежность:

— Другие - это другие. Но решать, каким человеком быть, могу только я сам.

Даже воля мира не в силах диктовать ему, кем быть.

У каждого должен быть выбор, и он, Се Жун, никогда не опустится до травли слабых.

Причины его отказа были одновременно неожиданными и в то же время вполне в его духе.

В любом случае, если он что-то вбил себе в голову, переубедить его было невозможно.

Вот и сейчас, несмотря на недавнее замешательство, он все же решил помочь Вэй Цзя.

И плевать, что совсем недавно он зарекался вмешиваться в сюжет.

606 произнес тоном человека, который насквозь видит своего напарника:

[Так я и знал, что ты пойдешь. Ты только с виду такой грозный. Пусть только эти придурки из департамента еще раз вякнут, будто ты бывший космический преступник, я им устрою!]

Хотя все прекрасно знали, что тот преступник был совершенно другим человеком.

Се Жун упрямо не желал признавать очевидное:

— Я просто не хочу, чтобы Вэй Цзя подвергся более изощренным издевательствам.

Каковы бы ни были причины, травля оставалась травлей.

Впрочем, Се Жун все еще старался минимизировать свое влияние на сюжет, если это было возможно.

Эффект бабочки – штука опасная.

Отыскав Лесли и его компанию по координатам отслеживания, Се Жун некоторое время наблюдал за ними издали.

Вскоре стало ясно, что этот синеглазый любитель грязных носков ведет себя как обычный детсадовец: все его пакости ограничивались принуждением к снятию носков да устными оскорблениями.

Вэй Цзя, не считая моральной травмы от запаха, физически никак не пострадал.

Конечно, это было лишь мнение Се Жуна. Сам Вэй Цзя при этом выглядел как глубоко несчастная, гордая белая лилия.

Се Жун тоже не сидел сложа руки. Стоило кому-то из курсантов проявить излишний интерес к травле Вэй Цзя, как он незаметно вмешивался.

Кроме того, он ловил моменты, когда Лесли переходил границы в словах, и нарочно появлялся перед ним, дерзко провоцируя на конфликт:

— Ну что, рискнешь еще раз со мной сразиться?

— Се Жун! Я еще не рассчитался с тобой за твою ложь! — Лесли при виде него мгновенно закипал и послушно заглатывал наживку.

Лесли не был слабым противником, по крайней мере, в прямом столкновении Се Жун пока уступал ему в силе.

В прошлый раз Лесли действительно недооценил его, но теперь, когда он дрался всерьез, Се Жуну приходилось несладко.

Тем не менее бои с таким опытным Альфой помогали Се Жуну быстро закрывать пробелы в своей подготовке.

Он рос буквально на глазах. Единственным, кто отравлял ему радость побед, был Цзун Чихуай, который, прознав про его регулярные стычки с Лесли, язвительно бросал:

— Возня слепых щенят.

Се Жун: «...»

«Да-да, мы поняли, что все здесь ничтожества по сравнению с твоим величием».

Се Жун продолжал следовать тактике полного игнорирования, отчего Цзун Чихуай буквально исходил злостью. Чан Бэй в те дни признавался, что всерьез опасался, как бы молодой господин Цзун не впал в неконтролируемое буйство.

К счастью, Цзун Чихуай сдержался. Он придумал новый способ, как уязвить Се Жуна.

<http://bllate.org/book/18044/1732432>